
18+

Дмитрий Приходько
Слоник

https://litres.ru/74712647
SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в театр, где вместо привычного спектакля разыгрывается история человеческих пороков, страшных тайн и неизбежного возмездия. Загадочный Слепой выходит на сцену с тростью. Он знает истории, которые многие предпочли бы навсегда забыть. За внешним блеском знатных домов скрываются предательство, жестокость, обман и судьбы, искалеченные чужой безнаказанностью. Эли, её отец, невинно осуждённый жених и другие герои оказываются связаны невидимыми нитями прошлого. Но ничто не исчезает бесследно: мёртвые возвращаются, тайны обретают голос, а те, кто привык вершить чужие судьбы, сами становятся участниками страшного суда. Кто заслуживает прощения? Где проходит граница между человеком и чудовищем? И какую цену придётся заплатить за правду? «Слоник» — мрачная готическая история, в которой театральная мистерия переплетается с викторианским ужасом, чёрным юмором и драмой человеческих судеб. Займите свои места. Свет гаснет. Представление начинается.

Содержание

Пролог. Занавес ещё не поднят 6
Акт I. Зверь в ночном лесу 11
Акт II. Светская клетка 27
Акт III. Игрушка в пустой комнате 34
Акт IV. Колода судьбы 49
Акт V. Когда открываются карты 56
История первая. Дама червей 66
Глава II. Майские встречи 71
Глава III. Удачный билет 83
Глава IV. Балы 89
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Дмитрий Приходько
Слоник

СЛОНИК

Дама червей

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 1
Акт I. Зверь в ночном лесу 6
Акт II. Светская клетка 23
Акт III. Игрушка в пустой комнате 30
Акт IV. Колода судьбы 45
Акт V. Когда открываются карты 54
История первая. Дама червей 64
Глава I. Маленькая Эли 65
Глава II. Майские встречи 71
Глава III. Удачный билет 83
Глава IV. Балы 90
Глава V. Жажда 115
Глава VI. Очаровательная Джузи 125
Глава VII. Игра по-крупному 132
Глава VIII. Рождественские сюрпризы 143
Глава IX. Рождество в доме Флетчеров 152
Глава X. Рождественская прогулка 166
Глава XI. Рождественское веселье 183

Глава XII. Старые долги 197
Глава XIII. Цена спасения 202
Глава XIV. Воспоминания сестры Лукии 210
Глава XV. Письмо из прошлого 219
Глава XVI. Молчи, моя дорогая 228
Глава XVII. За закрытыми дверями 261
Глава XVIII. День встречи 273
Глава XIX. Поиски Эли 295
Глава XX. Последняя надежда 300
Глава XXI. Шёпот Фавершама 319
Глава XXII. Разговор с кучером 326
Глава XXIII. Суд над Робертом 333
Глава XXIV. Тайна слонёнка 351
Глава XXV. На пороге Флетчера 359
Глава XXVI. Погоня 370
Последняя глава 380
Эпилог 387

Пролог. Занавес ещё не поднят

— Хахаха такая картина жуткая была!

Ах, простите. Кажется, я немного отвлекся.

Итак!

Театральный зал. Люди в красивых нарядах. Дамы в очаровательных шляпках, украшенных перьями, лентами и, кажется, целыми состояниями своих мужей. Джентльмены в сигарном дыму оживлённо спорят о политике, искусстве и, разумеется, о других джентльменах. Иногда они смеются. Иногда делают вид, что смеются над шуткой, которую не поняли.

Одним словом, сливки общества!

Вот наш усатый полицейский мистер Хьюстон— собственной персоной! Тяжело проходит рядами пузо явно задевает уже сидящих людей. А с ним его супруга Роза Хьюстон, а между ними их пухленькая дочурка, которая уже успела испачкать перчатки чем-то сладким. Полицейский его супруга ничего не замечает конечно, или делает вид что ничего не замечает. Эх,! служба научила его закрывать глаза на многие вещи. Хотя, конечно, не на все.

А вот и судья Патрик Робертсон! И мэр нашего милого городка его брат Остин Робертсон . Посмотрите, как важно они держатся. Как степенно кивают знакомым. Как уверенно улыбаются.

Да, сегодня в театре «Ребимоль» на удивление людно.

Вы только посмотрите на эти наряды! Какие ткани, какие украшения, какие тонкие линии! Всё выглядит настолько изысканно, что невольно возникает вопрос: а не нарисовал ли всю эту публику сам Панини? Знаете, тот самый мастер, который умел превращать обыкновенную городскую улицу в произведение искусства.

Ах, как же приятно смотреть на красивых людей.

Особенно когда они еще все вместе.

Ой! А вон и дворецкий Карл Берн.

Какой обаятельный мужчина! Безупречные манеры, безукоризненная осанка, лёгкий поклон каждому встречному. Настоящий образец галантности. Послушайте только, как он обращается к судье:

— Ваше превосходительство, позвольте проводить вас к вашему месту. Да были времена какой мёд все это слышать.

Образован! Вежлив! И, что особенно удивительно, умеет слушать, не перебивая собеседника. Редкое качество, уверяю вас.

Жаль только, что его жена и дочь сгорели заживо.

Да-да. Ужасная история.

Но, знаете ли, жизнь продолжается. Театры открываются, дамы покупают новые шляпки, джентльмены заказывают сигары, а дворецкие продолжают кланяться.

И всё же…Впрочем, не будем о грустном!

Ах! Но постойте, господа, мы ведь совершенно забыли о

дамах!

А это, между прочим, непростительная оплошность. Особенно если речь идёт о Джузи Флетчер.

О-о-о, Джузи! Фаворитка публики, обладательница безупречного вкуса, изысканных манер и такого гардероба, что некоторые семьи могли бы безбедно прожить на его стоимости несколько поколений.

Посмотрите, как она входит в зал! Ни единого лишнего движения. Лёгкий поворот головы, едва заметная улыбка, веер, раскрытый ровно настолько, чтобы окружающие успели заметить его красоту, но не разглядеть выражение лица хозяйки.

Восхитительно!

Джузи знает, как держать спину, как подавать руку, как принимать комплименты и, самое главное, как заставить окружающих почувствовать себя недостаточно хорошо одетыми, даже если они только что потратили на свой наряд целое состояние.

Истинное искусство, господа. Истинное искусство!

Но, разумеется, такая женщина не может появляться в обществе одна. У каждой королевы должна быть свита. Желательно преданная, хорошо одетая и не задающая лишних вопросов.

Встречайте Лили и Клоя!

Её дорогие подруги. Верные спутницы. Неутомимые поклонницы. А если говорить начистоту — подружки по бан-

ковскому счёту.

Ха! Не смотрите на меня так, будто я сказал что-то неприличное. В приличном обществе деньги вообще не обсуждают. Их просто тратят.

Лили — прелестная особа с улыбкой, способной растопить даже самое холодное сердце банкира. Она обожает драгоценности, свежие сплетни и мужчин, которые не задают вопросов о цене подарков. Особенно последних.

Клоя же… Ах, Клоя! У неё свой подход к жизни. Она умеет выглядеть совершенно невинной в самых сомнительных обстоятельствах и всегда знает, кто с кем танцевал, кто кому задолжал и чей брак держится исключительно на страхе перед общественным скандалом.

Вместе они составляют очаровательнейшее трио.

Три прекрасных лица, три безупречных гардероба и, если верить слухам, один весьма деятельный интерес к чужим кошелькам.

Но не будем злословить!

Ведь посмотрите, как мило они смеются, собравшись вокруг Джузи. Как поправляют перчатки, как обмениваются взглядами, как дружно поворачивают головы вслед проходящему мэру.

Ах, женщины!

Какое чудесное украшение любого общества.

И какое страшное оружие, если общество вдруг перестанет быть к ним благосклонным.

Впрочем, сегодня им совершенно нечего бояться. Сегодня они в театре, в окружении влиятельных господ, под светом хрустальных люстр. Сегодня весь город смотрит на них с восхищением.

А Джузи Флетчер улыбается так, словно весь этот мир принадлежит ей.

Что ж…

Возможно, так оно и есть.

По крайней мере, до конца первого акта.

Гаснет свет. Зал затихает.

Господа и дамы, представление начинается!

Ах да! Совсем забыл вам рассказать, зачем же все эти достойнейшие господа и прекраснейшие дамы здесь собрались!

На представление!

Ура! Браво! Занавес !

— Дамы и господа! Прошу вашего внимания!

На сцену вышел конферансье.

Акт I. Зверь в ночном лесу

Свет рампы скользнул по его лицу, выхватив из темноты широкую улыбку. Он раскинул руки, словно собирался обнять весь зал разом, и сделал глубокий поклон.

— Дорогие гости! Прекрасные дамы и почтенные господа! Как я рад видеть вас сегодня здесь! Как рад видеть столько любопытных глаз, столько улыбок и столько… восхитительно дорогих украшений!

В зале послышался смех.

Конферансье довольно кивнул, будто именно такой реакции и ожидал.

— Но позвольте задать вам один маленький вопрос. Знаете ли вы, зачем собрались здесь сегодня? Нет-нет, не торопитесь отвечать! Разумеется, ради представления. Но знаете ли вы, какое именно представление вам предстоит увидеть?

Он выдержал паузу.

— Нет. Конечно же, нет. Никто из присутствующих даже не подозревает, о чём пойдёт наш рассказ. И знаете что? Это прекрасно! Ведь самые удивительные истории начинаются именно тогда, когда мы меньше всего готовы их услышать.

Он приблизился к краю сцены и понизил голос.

— О, девочки… Эли. Сегодня наш рассказ будет о ней.

В зале стало тише.

— О призраках, заточённых в плене прошлого. О любви и радости. О боли, страданиях и потерях, которые не исчезают, даже когда заканчивается последняя песня. О тех, кто давно должен был обрести покой, но всё ещё остаётся здесь…

Конферансье медленно обвёл взглядом зрителей.

— Так давайте же выпустим их на волю! Давайте позволим им снова заговорить, снова заплакать, снова рассмеяться! Пусть оживёт наша картина! Пусть краски станут ярче, тени — глубже, а тайны, погребённые под слоем времени, наконец выйдут на свет!

Он резко вскинул руку.

— И всё это ради одной маленькой девочки. Девочки по имени Эли, которой однажды приснился маленький слоник…

На мгновение конферансье замолчал.

Улыбка на его лице стала шире.

— Ах, какой чудесный сон, не правда ли? Маленький слоник, невинная девочка, сказка, полная очарования…

Он наклонил голову.

— Вот только не всякая сказка заканчивается счастливо, господа. А некоторые и вовсе начинаются с убийства.

Где-то в глубине зала скрипнуло кресло.

— Да-да! Вы не ослышались. Убийство! И картина, которая хранит куда больше, чем кажется на первый взгляд.

Конферансье захлопал в ладоши, словно только что объявил самое весёлое событие вечера.

— Ну же, дорогие гости! Неужели вы позволите мне одному совершить всё это волшебство? Неужели оставите меня наедине с призраками?

Он приложил ладонь к уху.

— Нет? Не слышу!

Зал ответил неловким смехом.

— Вот так-то лучше! Ведь для начала нам понадобится кое-кто особенный. Тот, без кого наша история не сможет сдвинуться с места. Тот, кто видит то, чего не видят другие… или, быть может, не видит вовсе ничего.

Конферансье медленно поднял обе руки.

— Дамы и господа! Давайте же вместе позовём его!

Он сделал глубокий вдох и звонко произнёс:

— СЛЕПОЙ!

Из зала донеслось несколько неуверенных голосов.

— Нет-нет-нет! Что это за шёпот? Вы зовёте человека или боитесь разбудить собственную бабушку?

Конферансье рассмеялся.

— Ещё раз! Все вместе! Громко! От самого сердца!

Он вскинул руки над головой.

— СЛЕПОЙ! СЛЕ-ПОЙ!

И зал послушно повторил:

— СЛЕПОЙ! СЛЕ-ПОЙ!

На последнем слове погасла одна из ламп над сценой.

— СЛЕПОЙ! СЛЕ-ПОЙ!

— Вот так-то лучше, мои дорогие!

Конферансье хлопнул в ладоши. Последнее эхо прокатилось под потолком и затихло где-то среди бархатных занавесей.

— Ах, какая дружная публика! Я тронут. Право слово, тронут до глубины души. Не каждый день удаётся собрать столько достойных людей, готовых добровольно позвать неизвестно кого в собственный вечер.

Он приложил руку к груди и поклонился.

— Что ж, ваше желание исполнено.

Улыбка медленно исчезла с его лица.

— Прошу любить и жаловать.

Свет над сценой погас.

В темноте раздался стук.

Тук.

Тук.

Тук.

Кто-то постукивал тростью по деревянному полу.

Из-за занавеса вышел человек в длинном чёрном сюртуке. На его лицо не светил свет не было видно ни улыбки, ни выражения приветствия. В одной руке он держал трость, другую спокойно заложил за спину.

Он остановился в центре сцены.

— Благодарю, — произнёс Слепой.

Голос у него оказался неожиданно мягким. Почти убаюкивающим но сипленький тон с хрипатцой явно указывал на человека в годах.

— Благодарю вас за приглашение. Хотя, признаться, я не уверен, что вы действительно хотели меня видеть.

В зале послышался смешок.

— Ах, не стесняйтесь, — продолжил он. — Смейтесь. Смех — прекрасная вещь. Он позволяет человеку на несколько мгновений забыть о том, что его беспокоит.

Слепой слегка повернул голову в сторону первого ряда.

— А вас, сударыня, что беспокоит?

Дама в пышном голубом платье замерла.

— Простите?

— Я спросил, что вас беспокоит.

— Меня? Ничего.

— Какое счастье.

Он улыбнулся.

— Тогда вы, должно быть, единственная здесь, кому сегодня удастся спокойно уснуть.

Дама натянуто рассмеялась. Её спутник что-то прошептал ей на ухо.

А я, признаться, уже начал получать удовольствие от происходящего.

Нет-нет, не подумайте ничего дурного. Просто всегда любопытно наблюдать, как люди реагируют на незнакомца, который говорит с ними так, словно они знакомы много лет.

Особенно если незнакомец слеп.

Хотя, знаете ли, зрение — весьма переоценённое достоинство. Иные люди с прекрасными глазами умудряются не

замечать даже того, что находится у них прямо под носом.

— Но довольно о вас, — произнёс Слепой. — Сегодня я пришёл рассказать историю.

Он провёл ладонью по воздуху, словно ощупывал невидимую занавесь.

— Историю одной девочки.

В зале стало тише.

— Её звали Эли.

Он произнёс это имя так, будто оно было ему дорого.

— Эли любила смотреть в окна, собирать маленькие камешки и придумывать имена вещам, которые не могли ей ответить. У неё была любимая чашка, любимая лента и одна совершенно необыкновенная привычка.

Слепой сделал паузу.

— Она разговаривала во сне.

— И что же она говорила? — раздался чей-то голос из зала.

— О, многое. Дети вообще удивительно разговорчивы, когда уверены, что их никто не слышит.

Слепой чуть наклонил голову.

— Однажды ночью Эли сказала: «Не уходи. Я боюсь».

Он помолчал.

— А потом попросила слоника остаться с ней до утра.

В первом ряду кто-то тихо засмеялся.

— Слоника? — переспросил другой голос.

— Маленького слоника, — уточнил Слепой. — Совсем

крошечного. Такого, какого ребёнок мог бы держать в руках. Серого, с круглыми ушами и смешным коротким хвостиком.

Он поднял руку, показывая размер воображаемого зверька.

— Эли говорила, что слоник приходил к ней каждую ночь. Сначала они играли. Потом гуляли по длинным коридорам. Иногда он прятался под кроватью, иногда сидел на подоконнике и смотрел на луну.

— Как мило! — прошептала какая-то дама.

— Да, сударыня. Очень мило.

Слепой повернул лицо к её голосу.

— Особенно если не знать, что происходило дальше.

Это прозвучало достаточно громко что бы дама замолчала.

— Потому что каждую ночь слоник становился всё больше.

Тишина.

— Сначала он помещался на ладони. Потом — на подушке. Затем занимал половину комнаты. А однажды Эли проснулась и обнаружила, что его огромная серая голова заслоняет всё окно.

Слепой медленно опустил руку.

— Но самое страшное заключалось вовсе не в его размерах.

Он подождал.

— Слоник никогда не моргал.

Где-то в середине зала нервно кашлянули.

— И каждую ночь он спрашивал Эли об одном и том же.

Слепой склонил голову набок.

— «Ты помнишь, что сделала?»

На этот раз никто не засмеялся.

Ах, дорогие мои, как быстро меняется настроение в театре! Ещё минуту назад публика ждала забавную историю о маленьком зверьке. Теперь же некоторые господа старательно изучали свои программки, а одна из дам вдруг обнаружила чрезвычайно интересный узор на собственных перчатках.

Разумеется, это ничего не значит.

В конце концов, кто из нас не боится слонов?

Хотя, пожалуй, дело было не в слонах.

— Эли всегда отвечала, что ничего не помнит, — продолжил Слепой. — И тогда слоник начинал плакать.

Он выдержал долгую паузу.

— Представляете? Огромный серый слон, который плачет, как маленький ребёнок.

Слепой слегка улыбнулся.

— А когда Эли спрашивала, почему он плачет, слоник отвечал…

Он наклонился вперёд.

— «Потому что ты забыла».

Свет на сцене едва заметно дрогнул.

— И вот что я хотел бы спросить у вас, дорогие гости.

Слепой повернул голову к залу.

— Вам когда-нибудь снилось что-то, чего вы не могли вспомнить после пробуждения?

Никто не ответил.

— Что-то, от чего вы просыпались среди ночи с бьющимся сердцем? Что-то, после чего вам хотелось проверить замок на двери, заглянуть под кровать или убедиться, что в комнате больше никого нет?

Он выпрямился.

— Не беспокойтесь. Вам необязательно отвечать вслух.

Пауза.

— Некоторые вещи лучше оставить при себе.

Свет стал теплее, но теперь был сосредоточен исключительно на сцене, скрывая черты лица Слепого в густой тени.

— Итак, представьте себе другую картину…

Голос его стал тише.

— Зверь. Большой, сильный зверь. Его холодный глаз ловил редкие отблески луны, пока он набирал скорость, несясь сквозь тёмный, почти чёрный лес. Взгляд мутнел, дыхание обжигало лёгкие. Он бежал так, словно сама смерть дышала ему в затылок.

Вокруг раздавался топот копыт.

Всадник приближался.

Ветки хлестали зверя по морде, цеплялись за шерсть, оставляя на коже тонкие кровавые полосы. Лес путал его, сбивал с пути, подсовывал корни под лапы. Но остановиться было нельзя.

За спиной раздался свист.

Совсем близко.

Зверь дёрнулся в сторону, едва не рухнув на скользкую землю. Сердце колотилось так сильно, что заглушало собственное дыхание. Он уже не понимал, откуда доносится топот. Справа? Слева? Позади?

Или всадник был повсюду?

Нет. Нет, только не сейчас.

Впереди показался овраг. Узкий, но глубокий, наполненный тёмной дождевой водой. Лунный свет дрожал на поверхности, и на мгновение зверю показалось, что там, внизу, кто-то смотрит на него снизу вверх.

Он не стал проверять.

Последний рывок.

Прыжок.

И да…

На мгновение всё вокруг исчезло.

Ни леса. Ни всадника. Ни свиста.

Только холодная вода, сомкнувшаяся над головой.

Зверь ушёл под поверхность, ударился о каменистое дно и отчаянно забил лапами. Вода заполнила уши, забралась в ноздри. Он рванулся наверх, разорвал поверхность и жадно втянул воздух.

Тишина.

Он замер, едва удерживаясь на плаву.

Всадник остановился на краю оврага.

Зверь видел его силуэт сквозь колышущиеся ветви. Высокая фигура на тёмном коне. Лица не разглядеть. Только рука, медленно поднявшаяся над седлом.

И снова свист.

Зверь нырнул.

Вода сомкнулась над ним.

А когда он вновь показался на поверхности, всадника уже не было.

Ни коня. Ни звука копыт. Ни единого следа на влажной земле.

Только лес.

И собственное отражение в воде.

Зверь смотрел на него, тяжело дыша.

А потом отражение оскалило зубы.

Зверь отшатнулся.

Это не он.

Вода пошла мелкой рябью, и отражение исчезло.

— Странно, не правда ли? — мягко произнёс Слепой.

Свет на сцене чуть дрогнул.

— Иногда мы так долго убегаем от того, что нас преследует, что забываем задать себе один простой вопрос.

Он выдержал паузу.

— А что, если оно не пытается нас поймать?

Слепой слегка повернул голову к залу.

— Что, если оно просто хочет, чтобы мы вспомнили дорогу домой?

В первых рядах кто-то заёрзал в кресле.

Ах, дорогие мои, как же любопытно наблюдать за публикой! Стоит произнести несколько слов о страхе, и вот уже самые достойные господа начинают поправлять воротнички, а прекрасные дамы обнаруживают, что их веера вдруг стали совершенно необходимы.

Впрочем, возможно, здесь просто душно.

Театр старый, знаете ли.

— Но мы отвлеклись, — продолжил Слепой. — Вернёмся к нашему зверю.

Он опустил трость на пол.

Тук.

— Зверь выбрался из воды. Он был жив. По крайней мере, так ему казалось.

Тук.

— Он осмотрелся, принюхался и наконец заметил на другом берегу маленькую девочку.

Тук.

— Девочка стояла босиком на мокрой траве. На ней было светлое платьице, а в руках она держала маленького серого слоника.

В зале стало тихо.

— Она улыбнулась зверю и спросила:

«Ты ведь тоже не помнишь, да?».

Эта ночь была длиннее вечности.

Зверь всё ещё оглядывался. Он прислушивался к каждо-

му шороху, вздрагивал от треска веток и то и дело принюхивался к холодному ночному воздуху. Ему всё казалось, что вот-вот раздастся знакомый свист, застучат копыта и преследователь снова появится между деревьями.

Но он продолжал идти.

Рядом с ним шла Эли.

Вернее, вёл её он. Сам не понимая почему.

Ведь сейчас самое время было бежать. Бежать как можно дальше, не оглядываясь, не думая ни о чём, кроме собственного спасения. Оставить позади эту девочку, этот проклятый лес, тёмный овраг и всё то, что могло скрываться за его пределами.

Но зверь почему-то не уходил.

Эли едва поспевала за ним своими маленькими ножками. Иногда она спотыкалась о корни, и тогда зверь замедлял шаг. Иногда останавливалась, чтобы рассмотреть какой-нибудь камешек или сорвать травинку, и он терпеливо ждал, хотя всем своим существом чувствовал, что медлить нельзя.

Странно.

Ещё совсем недавно он был готов разорвать землю под собой, лишь бы спастись. Теперь же он вынужден был подстраиваться под шаги маленького ребёнка.

И, что самое удивительное, его это не раздражало.

Эли держала его за шерсть у самой шеи. Её крошечные пальцы терялись в густом мехе, а сама она шла молча, словно совершенно не замечала, что рядом с ней шагает огромное

дикое животное.

Она не боялась его.

Ни острых зубов, ни тяжёлых лап, ни кровавых царапин на морде.

Она просто шла рядом.

И зверь чувствовал её тепло.

Не тепло маленького тела, прижавшегося к его боку. Нет. Что-то другое. Глубже. Будто внутри этой девочки билось крошечное солнце, которому было совершенно неважно, насколько темно вокруг.

Её сердце было таким горячим.

Таким живым.

И с каждым шагом зверю становилось спокойнее.

Дыхание понемногу выравнивалось. Он переставал вздрагивать от каждого шороха, а лес уже не казался ему таким враждебным. Даже тени между деревьями будто отступили, пропуская их вперёд.

Впервые за эту бесконечную ночь он позволил себе идти, а не бежать.

Но почему?

Почему присутствие этой маленькой девочки заставляло его забывать об опасности? Почему рядом с ней ему больше не хотелось бросаться прочь при каждом подозрительном звуке?

И почему, когда Эли случайно отпускала его шерсть, он тут же замедлял шаг, словно боялся, что она исчезнет?

Зверь не знал ответа.

Он вообще мало что помнил.

Только лес. Топот копыт. Свист.

И невыносимое желание выжить.

— Скажите, — тихо произнёс Слепой, — вам когда-нибудь встречался человек, рядом с которым вы вдруг переставали бояться?

Он чуть повернул голову к залу.

— Не потому, что опасность исчезала. Не потому, что вам обещали защиту или протягивали руку помощи. Просто потому, что этот человек был рядом.

В зале никто не ответил.

— Забавно, правда? — продолжил он. — Иногда мы доверяем незнакомцу больше, чем тем, кого знаем всю жизнь. Иногда позволяем кому-то вести нас в самую темноту, хотя ещё минуту назад боялись сделать туда хотя бы шаг.

Слепой опустил голову.

— А иногда мы даже не замечаем, что уже давно перестали идти своей дорогой.

Он замолчал.

А зверь тем временем продолжал идти по лесу, ведя за собой маленькую Эли.

И впервые за эту ночь он не оглядывался.

Хотя где-то далеко, за деревьями, снова слышался стук копыт.

Эта ночь была длиннее вечности. И, поверьте, дорогие

мои, вечность — это не так уж много, когда за тобой охотятся.

Уже вскоре найдут и тело.

О да, это будет жуткая картина. Так больно видеть кровавые слёзы. Так больно слышать разорванный крик, когда злого зверя кормят в неволе, когда он наконец обнажает свой острый клык.

— Пролог закончен, — сказал Слепой. — антракт.

И свет погас. И вновь загорелся но на сцене уже никого.

Акт II. Светская клетка

Вот это да! Вы посмотрите несколько мгновений зал молчал. Казалось, каждый пытался понять, что именно он сейчас увидел: чужой кошмар или отражение чего-то своего. Но, знаете ли, дорогие гости, долго задумываться о чужих страданиях утомительно. Куда приятнее обсудить их за бокалом чего-нибудь дорогого.

И вот конферансье вновь выходит на сцену.

— А теперь, господа и дамы, антракт! Можете выдохнуть, поправить причёски, выпить, поговорить и, конечно же, обсудить увиденное. Не стесняйтесь! Уверен, каждому найдётся что сказать о звере. Особенно тем, кто никогда не заглядывал в собственную клетку.

Ах, посмотрите, как оживился зал! Дамы раскрыли веера, господа достали сигары, и вот уже страшный сон превратился в очередную светскую забаву. Кто-то смеётся, кто-то возмущается, а кто-то с таким видом рассуждает о жестокости, словно сам никогда не держал в руках кнута.

Но оставим их пока в покое.

У меня для вас есть кое-кто поинтереснее.

Возьмём, к примеру, рыжую Кет. Давайте пройдем в ресторан поболтаем.

Ах, Кет! Настоящее украшение нашего общества. Прекрасные волосы, дорогие украшения и улыбка, за которой,

как водится, может скрываться что угодно. Она — тайная любовница судьи и одновременно жена мистера Вуди, хозяина местной фабрики.

Какая занятная комбинация, не правда ли, дорогие мои?

С одной стороны — закон. С другой — деньги. А посередине — рыжеволосая красавица, которая, кажется, умеет находить общий язык и с теми, и с другими.

Вот и они!

Мистер Вуди стоит рядом с женой, всем своим видом демонстрируя уверенность человека, у которого есть фабрика, деньги и, вероятно, множество причин не задавать лишних вопросов. Судья же держится неподалёку. Он старается выглядеть непринуждённо, но почему-то слишком часто поглядывает в сторону Кет.

Что ж, дорогие гости, самое время взять у нашей красавицы интервью.

— Мадам Кет!

— Скажите, как вам сегодняшнее представление? Не показался ли вам зверь знакомым?

И вот тут Кет улыбается.

Но не отвечает.

А знаете, иногда молчание бывает красноречивее любого признания. Особенно когда рядом стоят муж, любовник и целый зал людей, которым только дай повод для сплетен.

Впрочем, не будем торопиться с выводами. В конце концов, мы здесь ради развлечения.

Пока что.

Обратите внимание, дорогие мои, на тех двоих, что стоят в углу зала. Да-да, не притворяйтесь, будто не заметили. Отец Джуди Флетчер и собственной персоной Бенедикт Флетчер!

Какие лица! Какая осанка! Какая непоколебимая уверенность в том, что весь мир обязан им по меньшей мере тремя поклонами и одним благодарственным письмом.

Это вам не какие-нибудь выскочки, разбогатевшие на торговле пуговицами. Неет, перед нами настоящие влиятельные номенклатурщики, чьи связи, как поговаривают, опутали чуть ли не всю Европу. Где-то там, среди их многочисленных знакомых, непременно найдётся министр, герцог, банкир, а то и король — живой или уже покойный, какая, право, разница?

Ну конечно, и в их роду были графы и даже короли. Впрочем, дорогие мои, мне всегда казалось, что за деньги можно купить не только титул, но и весьма приличное прошлое. А если постараться, то и пару святых в родственники. Главное — найти правильного посредника и не скупиться на пожертвования. Небеса, как и всякое приличное учреждение, любят щедрых покровителей.

Ну что, подойдём поближе?

Не бойтесь, господа, мы ведь не кусаемся. По крайней мере, без предварительного знакомства.

— Добрый вечер, уважаемые Флетчеры! — обращаемся

мы к ним с самой невинной улыбкой. — Позвольте поинтересоваться вашим мнением о сегодняшнем представлении. Как вам наш Слепой? Не слишком ли мрачна его история для людей вашего положения?

Джуди чуть приподнимает подбородок. Бенедикт смотрит на нас так, словно уже прикидывает, сколько будет стоить заставить нас замолчать.

О, этот взгляд нам знаком! Так смотрят люди, которые привыкли решать любые неприятности одним телефонным звонком. Правда, сегодня телефонов у нас нет. Зато есть язык, а это, поверьте, порой куда более опасное оружие.

— Вы ведь многое повидали на своём веку, — продолжаем мы. — Наверняка встречали людей пострашнее театральных чудовищ. Скажите, как вы считаете, звери рождаются злыми или их такими делают?

Вот теперь улыбка Джуди становится немного тоньше.

А отец наконец открывает рот.

— Молодой человек, я не вижу смысла обсуждать подобные глупости.

Ах, как жаль! А мы-то надеялись услышать мнение человека, чья семья знает о власти всё, что только можно знать. И даже кое-что из того, о чём порядочные люди предпочитают не рассказывать за ужином.

— Разумеется, — киваем мы. — Простите нашу бестактность. Просто история была о звере, которого держали в неволе, пока он не показал зубы. Вот мы и подумали: воз-

можно, вам знакома эта тема.

На мгновение вокруг становится тихо.

Совсем ненадолго. Ровно настолько, чтобы несколько любопытных дам перестали шептаться, а господин с сигарой забыл поднести её ко рту.

Затем отец Джуди натягивает улыбку.

— Вы позволяете себе лишнее.

— О, несомненно! — соглашаемся мы. — Но ведь именно за этим люди и приходят в театр, не так ли? Чтобы кто-нибудь позволил себе лишнее, пока они сами могут сидеть в безопасности и делать вид, что ни при чём.

Мы отвешиваем почтительный поклон.

— Благодарим за беседу, господа Флетчеры. Надеемся, следующий акт вам понравится ещё больше.

И отходим, оставляя за спиной две безупречные фигуры, две натянутые улыбки и один вопрос, который, кажется, совершенно случайно оказался не к месту.

А знаете, дорогие мои, что самое забавное в знатных семействах?

Они могут пережить скандал, разорение, даже смерть одного из своих. Но стоит кому-нибудь усомниться в благородстве их крови — и вот тут начинается настоящая трагедия.

Ведь деньги можно унаследовать.

Титул можно купить.

А вот чистую совесть, увы, пока ещё не продают.

Хотя… не будем подсказывать им новые идеи.

Прозвучал второй звонок.

Ну что же, дорогие мои, пора возвращаться на свои места! Наговорились, напились, обменялись любезностями и, надеюсь, успели обсудить всех, кто сегодня неосторожно попался вам на глаза. Прошу, проходите. Не толкайтесь, господа. В конце концов, мы все здесь приличные люди. По крайней мере, до тех пор, пока не погаснет свет.

Гости рассаживаются в креслах. Шуршат платья, скрипит обивка, хлопают веера. Кто-то поправляет воротник, кто-то торопливо прячет недопитый бокал, а одна почтенная дама всё никак не может закончить шёпот на ухо своей соседке. Что ж, у некоторых представление начинается задолго до того, как поднимается занавес.

Постепенно зал наполняется особенным ожиданием. Тем самым, когда все уже сидят на своих местах, но ещё не готовы смотреть на сцену. Ведь куда интереснее порой наблюдать за теми, кто сидит рядом.

Мы тоже возвращаемся на своё место. Хотя, признаться, я бы с удовольствием задержался возле Флетчеров. Уж больно занятные у них лица. Но всему своё время, дорогие мои. Не стоит раскрывать все карты в первом же акте. Иначе чем же мы будем вас дразнить дальше?

Свет начинает меркнуть.

Сначала гаснут люстры у дальней стены, затем золотистые огни над ложами. Разговоры стихают, словно кто-то медленно затягивает невидимую петлю вокруг шеи зала. Последний

смешок обрывается. Последний веер складывается. Последний господин убирает часы в карман.

И вот уже сотни глаз обращены к сцене.

Занавес шевелится.

— Тише, дорогие мои, — хочется прошептать нам. — Кажется, самое интересное ещё впереди.

Занавес поднимается.

Акт III. Игрушка в пустой комнате

Итак, дорогие мои, на сцене стоит всего один стул.

Ничего особенного, скажете вы? Возможно. Но не спешите разочаровываться. Порой одна пустая комната может рассказать покуда больше, чем целая родословная, а одна детская игрушка — напомнить о вещах, которые взрослые предпочли бы забыть.

Сверху падает узкий луч света, выхватывая из темноты сиденье стула. На нём лежит детская игрушка.

Маленькая. Одинокая.

И почему-то кажется, что её здесь оставили не случайно.

В зале становится тихо.

И вдруг раздаётся скрипка.

Тянущийся, противный аккорд режет слух, словно кто-то медленно проводит ржавым ножом по стеклу. Звук нарастает, дрожит в воздухе, заставляя зрителей невольно напрячься… и резко обрывается.

Будто музыкант передумал.

Или ему не позволили доиграть.

Несколько мгновений сцена молчит. Стул всё так же стоит под светом. Игрушка всё так же лежит на нём. И никто не спешит выходить.

А затем из темноты, доноситься стук трости и сбоку, появляется человек.

Слепой.

Он выходит неторопливо, и направляется к центру сцены. Его шаги размеренны, движения спокойны. Он останавливается рядом со стулом. Наклоняет голову.

И тем же голосом, с той же интонацией, словно никакого антракта вовсе не было, продолжает свой рассказ:

— Вы ведь помните зверя?

Он выдерживает короткую паузу.

— Конечно, помните. Его трудно забыть, когда однажды увидишь, как он улыбается собственному отражению.

Слепой медленно поворачивается к залу.

— Но скажите мне, дорогие мои… что вы знаете о детях?

В первых рядах кто-то едва заметно шевелится.

— Мы привыкли думать, что дети невинны. Что они не умеют лгать, не понимают жестокости и не способны причинить настоящую боль. Какая удобная мысль! Особенно для взрослых, которым необходимо оправдать всё, что они делают с маленькими и беззащитными.

Он протягивает руку к игрушке, но не касается её.

— А ведь иногда ребёнок помнит то, что взрослый давно похоронил. Иногда игрушка хранит больше правды, чем свидетельские показания. А иногда…

Слепой замолкает.

Улыбка едва заметно трогает его губы.

— Иногда лучше не спрашивать, кому она принадлежала.

И вот теперь, дорогие мои, я бы посоветовал вам не отво-

дить глаз от сцены.

Ведь представление продолжается.

И, кажется, на этот раз оно касается не только Эли.

— И вот… убийство! Вернее, тело.

Но что мы знаем? — продолжил Слепой, чуть склонив голову. — Да, жуткая картина. Молодая девушка, растерзанная зверем. Рядом её жених, взывающий к Богу и умоляющий её жить. Он зовёт её, молит, плачет, словно его голос ещё способен удержать её здесь. Но призывы тщетны. Всё уже кончено.

Мужчина рыдает, уткнувшись в плечо родственника. И в этом плаче столько боли, что, кажется, даже камни могли бы дрогнуть.

Такие тонкие, утончённые руки… Какими изящными они были при жизни. Как грациозно она двигалась, как нежно, должно быть, касалась любимого лица. И как жестоко жизнь оборвалась в одно мгновение.

А последствия… О, последствия всегда больнее самого удара.

Слепой сделал паузу. Его лицо оставалось спокойным, но голос стал ниже, будто каждое следующее слово давалось ему с трудом.

— Суд!

Он произнёс это слово резко, почти ударив им о стены зала.

— Виновен!

Короткая тишина.

— Убийство!

Ещё одна пауза.

— Виновен!

Слепой повернул голову к зрителям.

— Как просто, не правда ли? Одно тело — и уже есть виновный. Несколько свидетельств, горстка догадок, страх, гнев… и вот правосудие готово. Зверь найден, зверь осуждён. Можно расходиться по домам и спать спокойно.

Он чуть улыбнулся.

— Но скажите мне… а если всё было не так? Если за этой смертью скрывается нечто большее, чем когти и клыки? Если тот, кого вы назвали чудовищем, сам когда-то стоял на коленях и молил о пощаде?

Слепой замолчал. В тишине зала будто ещё звучали его последние слова.

— Что ж… сюжетный поворот или роковой замысел? Одного из них уже было бы достаточно. Но когда судьба решает соединить оба, даже невиновный может оказаться на скамье подсудимых.

Он повернулся к стулу, на котором лежала детская игрушка.

— А иногда, чтобы понять, кто виновен, нужно сначала узнать, кто первым рассказал эту историю.

Слепой взял игрушку в руки и медленно опустился на стул. Некоторое время он молчал, перебирая маленькими

пальцами потёртую ткань, словно пытался нащупать в ней что-то давно забытое.

— Итак…

И история вновь ожила.

Зверь уверенно шагал сквозь тёмный, сырой лес. Ветки хлестали по его бокам, под лапами хлюпала грязь, а холодный туман стелился между деревьями, скрывая тропу. Маленькая Эли семенила рядом, крепко прижимая к себе игрушечного слоника. Казалось, ни темнота, ни сырость, ни даже само чудовище не могли её испугать.

Они шли долго. Или, быть может, время просто перестало иметь значение в этом лесу.

Наконец впереди выросла стена. Огромная, каменная, почти чёрная. Лунный свет скользил по её неровной поверхности, выхватывая из мрака трещины и причудливые выступы. Стена уходила вверх, теряясь среди переплетённых ветвей, и выглядела настолько зловеще, словно была возведена не человеческими руками, а самой ночью.

Эли остановилась лишь на мгновение.

— Там дверь! — звонко произнесла она, указывая куда-то вперёд.

И прежде, чем зверь успел понять, что именно она увидела, девочка сорвалась с места и побежала к стене. Быстрее, чем можно было ожидать от её коротких ножек. Быстрее, чем зверь успел двинуться следом.

Он остался на мгновение позади, глядя на маленькую фи-

гурку, стремительно исчезавшую в лунной тени.

И впервые за всё это путешествие испугался не того, что гналось за ним.

А того, куда так торопилась Эли.

О! Это была не просто дверь. Это был шанс. Возможно, единственный.

Отголоски копыт всё ещё звучали где-то позади, теряясь среди деревьев, но зверь не обманывался тишиной. Всадник никуда не исчез. Он просто ждал своего часа. И, как ни странно, эта огромная, зловещая стена с дверью казалась куда более предсказуемой угрозой, чем тот, кто преследовал их по лесу.

По крайней мере, от двери можно было ожидать, что она откроется. Или не откроется вовсе.

А вот чего ждать от всадника, зверь уже не хотел проверять.

Эли первой добралась до двери. Маленькая ладошка легла на тёмное дерево, и створка поддалась с протяжным скрипом, будто недовольная тем, что её потревожили после долгих лет сна. Девочка юркнула внутрь, не оглядываясь. Зверь замешкался лишь на миг, прислушиваясь к лесу, а затем последовал за ней.

Дверь захлопнулась.

И лес остался снаружи.

— Так что же это была за дверь? — тихо спросил Слепой, чуть склонив голову. — Убежище? Ловушка? Или, быть мо-

жет, одно из тех мест, куда попадают лишь тогда, когда все остальные дороги уже закончились?

Он провёл пальцем по игрушечному слонику, словно тот мог подсказать ответ.

Но Эли, кажется, подобные вопросы совершенно не занимали.

Оказавшись внутри, девочка вдруг начала напевать песенку.

Тихо, беззаботно, словно шла не по незнакомому мрачному месту, а возвращалась домой после долгой прогулки. Мелодия звучала удивительно знакомо. В ней было что-то детское, тёплое и до боли родное.

Вы наверняка её знаете.

Да-да, именно эту.

Ту самую песенку, мотив которой всплывает в памяти спустя годы, стоит лишь услышать первые несколько нот. Вы можете напеть её целиком, даже не задумываясь. Можете узнать с первых звуков, улыбнуться и на мгновение вернуться в детство.

Но попробуйте вспомнить слова.

Любые слова.

Странно, не правда ли? Мелодия осталась, а слова будто стёрли из памяти. И чем усерднее вы пытаетесь их вернуть, тем пустее становится там, где они должны были звучать.

Эли продолжала напевать.

А зверь, следовавший за ней во тьме, вдруг замер.

Потому что эту мелодию он уже слышал.

И, судя по тому, как медленно он поднял голову, услышать её снова он боялся гораздо сильнее, чем стука копыт за дверью.

Добавим-ка нашей картине немного ясности. А то уж слишком много теней, не правда ли?

И что же стало с убитым горем женихом… или всё-таки мужем? Неужели его вздёрнули на эшафоте, под одобрительный гул толпы и суровые взгляды тех, кто так любит чужую кровь, пока она не пачкает их собственные руки?

О нет. Всё куда прозаичнее.

Никакой торжественной казни, никакой последней речи, достойной театральных подмостков. Лишь каторга.

Проклятая повинность — расплата за содеянное, а может, и за то, чего он вовсе не совершал. Долгие годы под чужим надзором, тяжёлый труд, холодные ночи и дни, похожие один на другой, словно кто-то вырвал из календаря все страницы, оставив только одну — бесконечную.

Каторга — это ведь не обязательно смерть. Порой она куда милосерднее: смерть хотя бы ставит точку.

А каторга… каторга растягивает наказание на целую жизнь.

Короткую или длинную — тут уж как повезёт.

Впрочем, господа, разве не в этом заключается прелесть правосудия? Оно не всегда спешит лишить человека головы. Иногда оно оставляет её на плечах, чтобы тот успел хо-

рошенько подумать о своих грехах.

Или о чужих.

Ведь приговор вынести куда проще, чем разобраться, кто на самом деле держал нож, кто первым пролил кровь и кто потом так ловко указал пальцем на виновного.

Но довольно о справедливости. Не будем портить вам вечер столь неприятными вопросами.

В конце концов, занавес ещё не опущен, а у нашей истории впереди достаточно времени, чтобы похоронить не одну невинную душу.

И так!

В длинном коридоре, стены которого были покрыты узорами в стиле позднего барокко, раздавались шаги. Сначала одни, следом — другие. За ними доносились голоса двух мужчин. Судя по тону, спорили они о чём-то весьма важном и, похоже, совершенно не собирались прерываться даже ради приличия.

Шаги становились громче. Мужчины пересекли коридор и вошли в огромный зал. Здесь их голоса обрели новое звучание: каждое слово отражалось от стен, возвращалось эхом и смешивалось с последующим. Вскоре зал наполнился настоящим гулом — звонким, раскатистым, почти оглушительным.

Двое мужчин продолжали спорить, уже не особенно заботясь о приличиях. Они буквально срывали глотки, щедро обмениваясь любезностями. О, какие изысканные манеры!

Какая утончённая беседа!

И вдруг — выстрел.

Короткий, резкий звук разорвал словесную перепалку. За ним последовал гул, прокатившийся по залу и растворившийся в тяжёлой тишине.

Да-а… Порой слова действительно умеют ранить. Но в этот раз один из собеседников решил прибегнуть к куда более короткому аргументу. И, надо признать, весьма убедительному. Спор был окончен.

Как вскоре стало известно, ещё одна душа отправилась в лучший мир. По странному совпадению, погибший оказался родственником той самой прекрасной леди, чьё растерзанное тело мы уже успели увидеть в этой истории.

Что ж, какое тесное общество! Казалось бы, столько людей, столько судеб, а стоит случиться одному убийству — и следующее уже стучится в дверь.

Или, в данном случае, стреляет в зале.

И вот уже слышны сирены. Полиция спешит на место происшествия. Кажется, сейчас всё пойдёт по давно знакомому сценарию: оцепление, допросы, поиск улик, подозреваемые…

— Всем разойтись! Место преступления! Убийство! Преступник найден! Положите пистолет!

Слепой чуть наклонил голову, словно прислушиваясь к чему-то, чего остальные не могли услышать.

— Вы ведь уже приготовились узнать имя убийцы? Как

поспешно, господа! Неужели вы всё ещё не усвоили, что в этой истории очевидное — всего лишь самая удобная из ловушек?

Он выдержал короткую паузу.

— Нет, не торопитесь. Пистолет ещё не сказал последнего слова. Да и тот, кто держит его в руках, вовсе не обязательно нажал на курок.

Ну что ж, господа, именно этого вы и ждали, не так ли?

Но нет…

Конечно, нет!

Никто не искал преступника. Никто не требовал положить пистолет. Да что там — никто даже не потрудился выяснить, где он находится.

Сирены стихли, полицейские прибыли, а вместе с ними, кажется, закончилась и всякая необходимость задавать вопросы.

Вот так просто. Ещё одна смерть, ещё одно дело, которое, похоже, никому не хочется раскрывать.

Впрочем, зачем искать убийцу, если можно просто закрыть дверь и сделать вид, что ничего не произошло?

— Мистер Хьюстон, поделитесь с нами своим опытом и ответьте на один небольшой вопрос. Может ли пистолет исчезнуть с места преступления так же быстро, как и сами доказательства преступления?

Мистер Хьюстон заметно заёрзал в кресле. Он поправил положение пиджака, выпрямился и, набрав в грудь воздуха,

уверенным, почти командным голосом произнёс:

— Нет!

— Прекрасно. Кратко и убедительно. Тогда позвольте следующий вопрос, мистер Хьюстон. А что вы скажете насчёт тела? Может ли исчезнуть и оно?

На этот раз ответить оказалось не так просто.

Мы выдержали небольшую паузу, позволяя вопросу повиснуть в воздухе.

— Ведь, согласитесь, мистер Хьюстон, если с места преступления исчезает не только оружие, но и сам погибший, то, возможно, перед нами уже не просто небрежность. А нечто куда более занимательное.

Не находите?

Ответ мистера Хьюстона так и не последовал. Он замешкался, явно подбирая слова, но Слепой поспешил избавить его от столь нелёгкого труда.

— Не утруждайте себя, мистер Хьюстон! Давайте обратимся к человеку, чьё мнение, пожалуй, должно иметь куда больший вес. К судье.

Слепой чуть повернул голову в сторону зрительного зала.

— Я знаю, что сегодня среди нас присутствует судья Патрик Робертсон. Мистер Робертсон, а что вы думаете по этому поводу?

Наступила тишина.

Никто не ответил.

Казалось, судьи вовсе не было в зале. Ни голоса, ни движе-

ния, ни даже малейшего признака того, что обращение было услышано.

Но он был там. Разумеется, был.

Просто мистер Робертсон счёл ниже своего достоинства отвечать на подобные вопросы. Особенно публично. Особенно перед теми, кто осмелился их задать.

Слепой выдержал паузу, а затем едва заметно улыбнулся.

— Что ж… молчание тоже бывает весьма красноречивым, не так ли, господа?

Постукивая тростью по полу, Слепой продолжал повествование. Каждый раз, когда его голос становился резче, трость отзывалась коротким, сухим ударом.

— Итак! Нет ни тела, ни оружия. Куда же пропал родственник нашей покойной, прелестной усопшей леди?

Он сделал паузу.

— Но откуда нам вообще известно об этих столь ужасных событиях? Может быть, их вовсе не было? Может, всё это лишь чьи-то выдумки, неудачная попытка сочинить очередную страшную историю?

Слепой снова постучал тростью.

— Увы, господа. Мы знаем, что это произошло.

Он чуть наклонил голову, словно вслушиваясь в далёкие городские улицы.

— Бедняга скитался по городу. Бродил от улицы к улице, вглядывался в незнакомые лица, искал помощи. Он словно ждал, что хоть кто-нибудь остановится, протянет руку, спро-

сит, что случилось. Но город был занят своими делами. Люди проходили мимо, не задерживая взгляда.

Слепой опустил трость.

— И в конце концов он умер. Прямо на улице. Среди прохожих, среди равнодушных взглядов, среди тех, кто, возможно, даже не заметил, как рядом с ними оборвалась ещё одна жизнь.

Тишина.

— Вот так, господа. Ни тела, ни оружия. И лишь один человек, который мог бы рассказать нам правду, сам стал частью этой истории.

А что же Эли?

Переступив порог вместе со зверем, девочка оказалась в странном помещении. Там, среди непроглядной темноты, горел маленький огонёк. Он был тусклым, почти незаметным, но был горячим так, словно мог затмить само солнце.

В его пламени таилась необычная сила. Казалось, оно едва держится на тонком фитиле, но стоит ему разгореться — и ничто уже не сможет остановить пожар. Маленькое пламя, готовое поглотить всё вокруг.

Оно согревало. Не просто освещало комнату, а наполняло теплом само пространство, будто здесь, за этой дверью, холод и тьма не имели права хозяйничать.

Большое, неподвижное зеркало, в старой раме. Оно отражало тех, кто находился в комнате: маленькую Эли и огромного зверя, нависавшего над ней своей тёмной громадой.

Девочка казалась совсем крошечной рядом с ним. Её силуэт почти терялся в его тени.

Эли смотрела на своё отражение.

А зверь — на неё.

И ни один из них пока не знал, что именно зеркало собирается им показать.

Антракт господа с силой произнес Слепой и спокойно отошел чуть в тень!

Акт IV. Колода судьбы

Не успев толком разойтись, зрители вновь обратили взоры к сцене. Откуда-то из-за кулис появился фокусник в длинном сюртуке и высокой цилиндрической шляпе. Он поклонился публике, взмахнул рукой, и, к всеобщему удивлению, дамы и господа словно по невидимому приказу вернулись на свои места.

— Что ж, господа! Неужели вы полагаете, что сегодняшний вечер уже успел исчерпать все свои сюрпризы?

Из высокой шляпы фокусник извлёк белоснежную птицу. Та вспорхнула над сценой, вызвав дружный восторг. Следом появился цветок, затем ещё один. Казалось, сама шляпа была бездонной.

— Браво! Браво!

Фокусник довольно улыбнулся и, достав из кармана колоду игральных карт, ловко перетасовал её.

— А теперь предлагаю вам небольшую игру. Не волнуйтесь, господа, никаких денежных ставок. Сегодня мы играем исключительно на любопытство.

Он прошёлся вдоль первых рядов, предлагая присутствующим вытянуть по одной карте. Но стоило кому-то протянуть руку, как фокусник мягко отводил колоду.

— Нет-нет, позвольте мне. Иначе получится слишком скучно.

Он перетасовал карты ещё раз, затем развернул их широким веером и принялся раздавать.

Первым карту получил судья Патрик Робертсон.

— Валет!

Следом мистер Хьюстон.

— И снова валет!

Полицейский, сидевший неподалёку, также перевернул свою карту.

— Валет! Три валета, господа! Какое совпадение!

Зал разразился смехом и аплодисментами.

Фокусник продолжил раздачу.

Три дамы получили свои карты.

— Джузи! Лили! Клоя!

Три имени прозвучали одно за другим. Дамы довольно улыбались, переглядываясь между собой.

— Ну что ж, — произнёс фокусник, — кажется, сегодня судьба решила оказать особое внимание прекрасному полу.

Наконец он подошёл к мистеру Флетчеру.

— А для вас, сэр, у меня припасено кое-что особенное.

Флетчер перевернул карту.

— Туз!

Аплодисменты вновь прокатились по залу. Фокусник поклонился, после чего принялся собирать карты обратно.

Но вдруг замер.

Он пересчитал колоду. Затем ещё раз.

Его улыбка постепенно исчезла.

— Любопытно…

Фокусник поднял голову и оглядел зал.

— Господа, кажется, у нас небольшая неприятность.

Он вновь пересчитал карты, перебирая их одну за другой.

— Все на месте… валеты, дамы, туз. Но…

Он перевернул последнюю карту, словно надеялся обнаружить её там.

— Дамы червей нет.

В зале повисла тишина.

Фокусник медленно оглядел зрителей.

— Прошу прощения, господа. Но, кажется, кто-то из вас всё-таки решил присвоить себе маленькую часть моего представления.

Он улыбнулся, хотя улыбка эта выглядела уже не столь весёлой.

— И знаете, что самое удивительное? Я ведь даже не помню, чтобы раздавал её.

Слепой, до этого неподвижно сидевший на сцене, вдруг постучал тростью.

Раз.

Другой.

Третий.

— Не ищите, господин фокусник, — произнёс он. — Она давно уже не среди вас.

Фокусник медленно повернулся к нему.

— Что вы имеете в виду?

Слепой чуть склонил голову.

— Даму червей, господа. Вы ведь все знаете, кого она изображает?

Он поднял игрушечного слоника.

— Или, быть может, вам стоит наконец вспомнить её имя?

Занавес опустился, и зал тут же наполнился суетой. Люди зашептались, обмениваясь взглядами и догадками. Одни пытались разгадать увиденное, другие предпочли сделать вид, будто ничего особенного не произошло.

Но вскоре, без лишнего шума и криков, публика начала покидать свои места и направилась на антракт.

Ах, антракт… Самое чудесное время, не правда ли? Когда можно наконец выдохнуть, поправить перчатки, пригубить бокал и обсудить чужие тайны, пока собственные так удобно прячутся за улыбками.

А сейчас мы переносимся в партер, где ряд джентльменов, судя по всему, рьяно обсуждает нечто весьма занимательное.

Ну да и ладно, господа. Не будем мешать вашим тайнам… пока что.

Мы же направимся к дворецкому и осведомимся, чем нынче потчуют нашу взыскательную публику. Какие изысканные блюда украсили столы и, главное, чем услаждают себя наши дорогие гости? Ведь наблюдать за знатью куда интереснее, когда в руках у нас бокал, а на тарелке что-нибудь достойное королевского двора.

Дворецкий Карл, как всегда, был великолепен: безупреч-

но выпрямленная спина, начищенные до блеска пуговицы и та самая невозмутимость, с которой он, казалось, мог бы встретить даже конец света.

— Послушайте, Карл, — обратились мы к нему с любопытством. — Что можете сказать о сегодняшнем вечере? Какова обстановка? И насколько редки блюда, которыми нынче угощают гостей, если судить по столь необычному составу публики? Что бы вы нам посоветовали?

Карл чуть склонил голову, словно взвешивая, какую часть правды нам дозволено услышать.

— Что ж, судари, вечер сегодня и впрямь особенный, — произнёс Карл, слегка поправив манжету. — Подобное собрание случается нечасто. Здесь присутствуют люди самых разных занятий и состояний: судья, господа фабриканты, представители полиции, почтенные семейства и, разумеется, те, чьи имена предпочитают произносить шёпотом.

Он ненадолго замолчал и окинул взглядом зал.

— Обстановка, на первый взгляд, вполне благопристойная. Хотя, если позволите заметить, некоторые гости сегодня куда больше заняты чужими делами, нежели собственными тарелками. В партере уже успели вспыхнуть несколько оживлённых бесед. И я бы не советовал подходить к ним слишком близко, если вы дорожите хорошим настроением.

Карл едва заметно улыбнулся.

— Что касается угощений, кухня нынче постаралась на славу. К столу поданы запечённый фазан с лесными грибами,

перепела под винным соусом, паштет из дичи, устрицы со льдом и нежнейшие груши в пряном сиропе. К этому — выдержанные вина из частных погребов. Всё подобрано с учётом вкусов наших почётных гостей.

Он сделал небольшую паузу, после чего добавил уже тише:

— Я бы посоветовал вам попробовать паштет и бокал красного вина. Но, если позволите личное замечание… сегодня лучше присматриваться не столько к тому, что подают на стол, сколько к тому, кто с кем делит трапезу. Порой соседство за одним столом говорит куда больше, чем самая откровенная беседа.

— О, благодарим вас, Карл. Вы, как всегда, на высоте! Что ж, пройдёмте обратно в зал. Кажется, мы слышим чудесную музыку… Что-то начинается, господа. А мы ведь не хотим пропустить самое интересное, не так ли?

Мы оставляем Карла с его безупречной выправкой и направляемся обратно в зал. Из-за тяжёлых кулис доносится нежная мелодия, постепенно заполняющая пространство. Разговоры гостей стихают, бокалы замирают в руках, а взгляды вновь обращаются к сцене.

Занавес пока неподвижен. Свет начинает медленно гаснуть, оставляя лишь узкие полосы на бархатных ложах и блеск бокалов.

И знаете, дорогие гости, у нас появляется весьма неприятное предчувствие: кажется, следующее представление при-

готовлено вовсе не для развлечения. И, возможно, на этот раз кому-то из присутствующих придётся узнать себя в главной роли.

Ну что же… Тише, господа. Кажется, начинается.

Акт V. Когда открываются карты

Итак, Слепой вновь появился на сцене.

Но на этот раз в его руках не было ни игрушки, ни привычной трости, на которую он обычно опирался она лежала так и прежде на стуле . Он держал свёрток бумаг, перевязанный тонкой потемневшей лентой. Бумаги выглядели старыми, края некоторых страниц были измяты, а на одной виднелось тёмное пятно, похожее то ли на чернила, то ли на засохшую кровь.

Он остановился посреди сцены. Несколько мгновений молчал, будто прислушивался к дыханию зала.

— Итак… Сегодня среди нас собрались высокопоставленные господа и их очаровательные леди. Люди с громкими фамилиями, безупречными манерами и, разумеется, безупречной репутацией. Как приятно видеть столько достойных лиц в одном месте.

Он чуть наклонил голову.

— Позвольте продолжить нашу историю. Вы ведь помните зверя? Того самого, что ныне оказался заперт в доме, словно диковинный экземпляр за решёткой. Его поймали. Или, быть может, он сам позволил себя поймать? Ведь иногда клетка оказывается единственным местом, где можно наконец перестать убегать.

Слепой провёл пальцами по краю свёртка.

— А маленькая Эли… Она не была чудовищем. Не была охотницей. И уж точно не была случайной спутницей зверя. Она стала проводником. Именно она привела его туда, где он оказался заперт в собственном отражении. Там, где он наконец увидел себя таким, каким его видели остальные.

Он сделал паузу.

— Но есть одна вещь, которую зверь никогда не забудет. Эли спасла его. И заплатила за это слишком дорого. Она больше никогда не увидела того света и тепла, которые сама же умела дарить. Быть может, именно поэтому зверь до сих пор помнит её. Ведь некоторые спасения оставляют после себя куда больше боли, чем самые жестокие проклятия.

Слепой поднял свёрток.

— А теперь, господа, я хотел бы прочесть вам несколько строк. Из этих страниц.

Он развернул бумаги. Листы тихо зашелестели под его пальцами.

— Начнём, пожалуй, с туза.

В зале кто-то едва заметно пошевелился.

— Туз… Карта сильная, не так ли? Старшая в колоде. Та, которой принято гордиться. Её обладатель привык считать, что ему дозволено больше, чем прочим. Что его положение, деньги и имя открывают любую дверь. Даже ту, за которой человек отчаянно пытается спрятаться.

Слепой медленно провёл пальцем по первой странице.

— Эли знала такого человека. Он не просил её внимания

— он требовал его. Его слова становились всё настойчивее, а любезности — всё грязнее. Он позволял себе прикосновения, которых она не желала, и шептал обещания, от которых хотелось лишь отступить подальше. Когда она отказывала, он напоминал ей, кто он такой. Напоминал, что её слово против его слова ничего не стоит.

Слепой чуть повернул голову в сторону партера.

— Как удобно быть тузом, когда остальные вынуждены играть по твоим правилам.

Он перевернул страницу.

— Но Эли не сдалась. Она решила искать помощи. И к кому же обратилась? К вальтам. Молодым господам, которые, казалось бы, должны были защищать честь и достоинство. Двое из них выслушали её. Двое обещали разобраться. Двое уверяли, что она может им доверять.

Голос Слепого стал тише.

— Как же быстро рассыпаются красивые обещания, когда за ними скрывается не добродетель, а похоть.

Он сжал лист в руке. И сказал это настолько громко будто в его голосе вырывалось пламя.

— Они не помогли ей. Они воспользовались её страхом и доверием. Они оскорбили её, унизили и пригрозили, что, если она хоть кому-нибудь расскажет о случившемся, её ждёт расплата. Эли поняла: теперь ей некуда идти. Туз мог купить молчание, а вальты — заставить его соблюдать.

В зале стало совсем тихо.

— И всё же больше всего она боялась не за себя. Она боялась, что её жених узнает. Боялась увидеть в его глазах не любовь, а сомнение. Боялась, что правда, которую она не выбирала, разрушит единственное, что ещё оставалось ей дорогим.

Слепой опустил страницы.

— Но смерть, господа, редко предупреждает о своём приходе. Хотя иногда сердце чувствует её раньше, чем разум успевает признать. Эли предчувствовала беду. И, возможно, именно поэтому оставила после себя эти записи. Не для суда. Не для мести. А чтобы однажды кто-нибудь всё-таки узнал правду.

Он медленно поднял голову.

— А теперь поговорим о слонике.

Слепой протянул руку, и на его ладони оказался маленький игрушечный слон.

— Какая нелепая вещица, не правда ли? Всего лишь детская игрушка. Эли любила его. Носила с собой, берегла, словно он был маленьким хранителем её секретов. В нём не было ни драгоценных камней, ни золота, ни фамильного герба. Только ткань, набивка и память.

Он повернул игрушку к залу.

— Но иногда самая незначительная вещь хранит больше правды, чем целый архив.

Слепой замолчал. Затем аккуратно сложил бумаги и спрятал их обратно в свёрток.

— Итак, господа… Карты розданы. Туз известен. Вальты тоже. Осталось лишь понять, кто из вас до сих пор считает, что игра ещё не окончена.

Он медленно поднял трость.

Зал замер.

Трость вытянулась вперёд, словно Слепой целился в кого-то среди зрителей.

Раздался выстрел.

Пуля угодила точно в голову мистеру Флетчеру.

Его тело резко дёрнулось и рухнуло на пол. На мгновение зал оцепенел. Женщины вскрикнули, кто-то уронил бокал, а несколько джентльменов вскочили со своих мест. Но никто не спешил подойти к упавшему.

Слепой оставался неподвижен. Лишь слегка склонил голову, будто прислушивался к тому, как страх медленно заполняет зал.

— Вот и всё, господа… Кажется, сегодня одна из карт наконец покинула игру.

Слепой медленно опустил трость.

— Ах… вот теперь мы подошли к самому интересному.

Он поднял с пола маленького слоника и осторожно сжал его в ладони.

— Вы ведь помните того господина из коридора? Того, чьи шаги так спешно покинули зал и голоса которые так спорили ? Он не был случайным прохожим. И не был человеком, который просто решил испортить вечер почтенному

джентльмену.

Слепой достал из свёртка ещё один лист.

— Это был отец Эли. Он нашёл записи своей дочери. Прочёл каждую строчку. Узнал о Тузе, о двух Вальтах, об угрозах и о том, что произошло с его девочкой. И он пришёл к Флетчеру не просить объяснений. Он пришёл сказать, что знает всё.

Слепой повернул голову в сторону партера.

— Представляете, господа? Каково это — когда человек, которого вы считали давно забытым, вдруг появляется на пороге с доказательствами? Когда все ваши деньги, титулы и связи оказываются бесполезны перед несколькими исписанными листами?

Он выдержал паузу.

— Флетчер не стал тогда спорить долго. Прозвучал выстрел. Отец Эли упал… но не умер там, где его оставили. Раненый, он сумел подняться и уйти. Он брёл по улицам, искал помощь, пытался добраться до людей, которые могли бы услышать его. Но город оказался глух. И вскоре он умер — один, среди чужих домов и равнодушных окон. И тогда родился зверь пылающий яростью и местью.

Слепой опустил голову.

— Но, кажется, смерть не смогла заставить его замолчать.

Он провёл пальцем по игрушечному слонику.

— Он вернулся. Не человеком. Не отцом, которого Эли могла бы обнять. Он стал зверем. Тем самым зверем, которо-

го вы так старательно пытались поймать и запереть. И каждую ночь, в каждом сне, он возвращался к одной и той же девочке. Она вела его к правде. Снова и снова. Пока кто-нибудь наконец не решился бы открыть глаза.

Слепой поднял лицо к залу.

Но тишина продержалась недолго.

Из глубины зала раздались ещё три выстрела.

Первый — и один из джентльменов рухнул между рядами. Второй — и судья, ещё недавно восседавший с видом непререкаемой власти, повалился на кресло. Третий — и полицейский, который должен был охранять порядок, сам оказался среди тех, кому уже никто не сможет помочь.

Три выстрела. Три человека.

Но, господа, не спешите считать это случайностью.

Флетчер был тем, кто совершил преступление. Остальные трое — мэр, судья и полицейский — помогли ему скрыть правду. И дело было не только в огромных карточных долгах, которые давно сделали их послушными сообщниками.

Они боялись.

Боялись, что жених Эли, несмотря на своё горе, продолжит искать ответы. Что однажды он найдёт оставленные ею записи, прочтёт каждую строчку и поймёт, кто на самом деле погубил его любимую. А затем эти записи попадут в руки тех, кто уже не сможет закрыть на них глаза.

Именно поэтому они решили избавиться от него прежде, чем он доберётся до правды. Одним движением пера они от-

правили невиновного юношу на каторгу, обвинив его в преступлении, которого он не совершал.

Он умер там, так и не узнав, насколько близко был к разгадке.

Именно эти люди, собравшись вместе, одним лёгким движением пера отправили невиновного юношу на каторгу. Юношу, который потерял любимую женщину, не успев даже проститься с ней. Жениха Эли. Разбитого горем человека, чья единственная вина заключалась в том, что он любил её.

Они вынесли ему приговор, не потрудившись докопаться до истины. И он умер на каторге — слишком быстро, чтобы успеть доказать свою невиновность.

Слепой медленно повернул голову к зрительному залу и слегка улыбнулся.

— Только вот карты, господа, имеют одну неприятную особенность. Рано или поздно их приходится открывать.

— И вот мы здесь. Вы слушаете сказку о звере, а перед вами — история человека, которого убили дважды: сначала выстрелом, а после — всеобщим молчанием.

Он медленно положил слоника на стул и перелистнул несколько страниц свёртка.

— Но, господа, неужели вы думаете, что на этом наша колода закончилась? Ах, нет… Мы ведь совсем забыли о дамах.

Он поднял голову в сторону женских лож.

— А что касается наших прекрасных дам… Позвольте

рассказать залу одну занимательную историю. Историю о доме, который однажды вспыхнул среди ночи. О доме, из которого не выбралась ни одна душа.

Слепой выдержал паузу.

— Вы ведь помните господа тот пожар? Какое несчастье! Какая трагедия! Семья дворецкого Карла погибла в огне. И все тогда решили, что виноваты холодная погода, неосторожность или дурное предзнаменование. Как удобно списать человеческую жестокость на капризы судьбы.

Он чуть повернул голову к дамам.

— Но двери того дома были подперты снаружи. Каждая. Ни единого шанса выбраться. Ни одной возможности спастись. И всё это было сделано не по ошибке, не в порыве случайной ярости, а из высокомерия и желания одной из вас быть первой. Быть самой заметной, самой желанной, самой обсуждаемой. Даже если для этого придётся превратить чужую семью в пепел.

Слепой сложил страницы.

— Как же печально, дорогие дамы. Вы так стремились возвыситься над остальными, что не заметили, как опустились.

Он медленно протянул руку в сторону кулис.

— Карл, дорогой мой… Они твои.

В ту же секунду из глубины зала донёсся резкий звук. Кто-то вскочил, опрокинув кресло. Двери распахнулись, послышался топот, крики и суетливое хлопанье створок. Гости

бросились к выходам, толкая друг друга и забывая о своих безупречных манерах.

Те самые люди, которые ещё недавно наслаждались представлением, теперь отчаянно искали возможность покинуть театр.

Но было уже поздно.

Слепой остался один посреди сцены. Маленький слоник лежал у его ног, а свёрток бумаг — в его руках.

Он слегка склонил голову.

— Что ж, господа и дамы… Представление окончено.

Занавес медленно пополз вниз.

История первая. Дама червей
Глава I. Маленькая Эли

Итак, господа, давайте-ка окунёмся в ещё далёкий 1837 год — эпоху расцвета викторианского общества. Время балов, карет, пышных платьев, изысканных манер, благородных подвигов и настоящих джентльменов. Хотя, признаться, последние порой встречались куда реже, чем хотелось бы.

В аббатстве Кент, в некогда родовитой семье Гринстрит, обедневшей по вине собственной матушки, Ханны Гринстрит, появилась на свет маленькая Элеонора Гринстрит-младшая, которую впоследствии все станут называть просто Эли.

Семейство Гринстрит имело несколько знатных ветвей, однако ни одна из них так и не смогла обеспечить достойного продолжения рода. Впрочем, наша история не о фамильных гербах, родословных свитках и наследственных поместьях. Хотя именно с этого, как вы скоро убедитесь, всё и начинается.

Маленькая Эли была, так сказать, плодом свободной и весьма открытой души Ханны. Отцом девочки являлся Джеймс Фит — владелец небольшой фабрики по производству товаров из овощей и фруктов. Человек, быть может, не столь знатного происхождения, как Гринстриты, зато вполне

состоятельный и, что куда важнее, порядочный.

Но, увы, любовь никогда не входила в расписание Ханны Гринстрит. И едва девочка появилась на свет, как мать поспешила избавиться от лишних хлопот, отдав младенца на попечение церкви.

Да-да, господа! Какие времена — такие и нравы!

Так маленькая Эли оказалась вдали от родного дома, а её мать продолжила жить так, словно никакого ребёнка и вовсе не существовало.

Однако судьба, как известно, любит расставлять собственные декорации. И спустя годы, когда девочке приблизилось тринадцать, её передали родному отцу. С этого времени Элеонора получила фамилию Фит, оставив за спиной своё прежнее имя Гринстрит.

Джеймс же, в отличие от Ханны, души не чаял в дочери.

Он так и не сумел устроить собственную личную жизнь. Возможно, после истории с Ханной он утратил всякое желание вновь связывать себя узами брака, а возможно, просто не встретил женщину, которой смог бы доверить своё сердце. Как бы то ни было, всё свободное время он посвящал маленькой дочери.

Для него Эли была не просто наследницей и продолжательницей фамилии. Она стала смыслом его жизни, его радостью и, пожалуй, единственным существом, ради которого он был готов пожертвовать всем.

Он старался дать ей то, чего сам был лишён: заботу, вни-

мание и ощущение настоящего дома.

И вот, господа, перед нами возникает любопытная картина: девочка, рождённая в знатном семействе, отвергнутая собственной матерью, но обретшая любовь человека, которого общество, возможно, сочло бы недостаточно благородным для подобной чести.

Казалось бы, что ещё нужно для счастливой истории?

Но, господа, не будем забывать, что даже самые добрые намерения нуждаются в средствах к существованию. А в этом отношении наш Джеймс оказался далеко не в самом завидном положении.

Англия постепенно менялась. Старые порядки уступали место новым законам торговли, промышленность росла, города расширялись, а вместе с ними появлялись всё более влиятельные предприниматели. Кент, который издавна называли Садом Англии благодаря его плодородным землям, садам и обширным полям, также не остался в стороне от этих перемен.

Небольшие семейные производства постепенно теряли прежнее влияние. Крупные предприятия поглощали рынок, торговые дома диктовали свои условия, а железные дороги и новые коммерческие связи всё больше зависели от интересов состоятельных господ.

Разумеется, господа, на бумаге всё выглядело весьма благопристойно: свободная торговля, развитие промышленности, новые возможности и процветание. Однако за красивы-

ми словами нередко скрывались жадность, подкуп, сомнительные сделки и борьба за влияние.

И Джеймс оказался среди тех, кому приходилось расплачиваться за чужие амбиции.

Его небольшая фабрика по переработке овощей и фруктов была вполне достойным предприятием. Он трудился, старался поддерживать качество продукции, рассчитывался с рабочими и надеялся, что честное дело однажды принесёт заслуженную прибыль.

Но времена становились другими. Крупные торговцы диктовали цены, посредники требовали всё большую долю, а конкуренты, обладавшие связями и капиталом, могли позволить себе то, о чём маленькому фабриканту оставалось только мечтать.

Постепенно в торговые дела всё глубже проникали коррупция и криминальные интересы. Там, где прежде решали качество товара и деловая репутация, теперь всё чаще имели значение знакомства, покровительство и умение договориться с нужными людьми.

Пока другие фабриканты мечтали о расширении производства, новых складах и выгодных соглашениях, Джеймс мечтал лишь о том, чтобы его дочь ни в чём не нуждалась. Он хотел дать ей образование, достойное воспитание и, самое главное, возможность однажды самой выбирать свою судьбу.

Ах, господа! Какое благородное желание!

Жаль только, что жизнь редко интересуется нашими пла-

нами, прежде чем предъявить собственный счёт.

За те годы, что маленькая Эли провела под попечительством церкви, её матушка, Ханна Гринстрит, успела окончательно распорядиться остатками некогда внушительного семейного состояния. Родовое имение, земли и прочие владения, принадлежавшие семейству Гринстрит на протяжении многих поколений, постепенно сменили владельцев.

Так от былого величия фамилии остались разве что громкое имя, старые знакомства да воспоминания о лучших временах.

Впрочем, не стоит думать, будто Ханна после этого оказалась на обочине общества. Деньги и недвижимость — вещи, конечно, весьма полезные, но, господа, не будем недооценивать силу старых знакомств. Несмотря на утрату состояния, она ещё долго сохраняла своё место в кругах знатных особ и постепенно вошедшей в моду новой состоятельной элиты.

Однако судьба распорядилась иначе. Спустя непродолжительное время Ханна скончалась, оставив после себя больше вопросов, чем достойных воспоминаний.

Именно это обстоятельство впоследствии позволило Джеймсу Фиту наконец оформить удочерение собственной дочери и забрать Элеонору под свою опеку.

Вот так, господа, после долгих лет разлуки отец и дочь наконец оказались под одной крышей. И если Ханна оставила девочке лишь фамильное прошлое, то Джеймс намеревался подарить ей будущее.

Глава II. Майские встречи

На дворе стоял май 1852 года.

Тёплыми каплями слепой дождь прокатывался по улицам и паркам, оставляя на мостовых влажный блеск, а на молодых листьях — прозрачные жемчужины. Воздух был наполнен свежестью, запахом мокрой земли и цветущих садов. Казалось, сама природа решила ненадолго отвлечься от своих забот и насладиться наступившим теплом.

Где-то вдали слышался весёлый, задорный смех и оживлённая болтовня молодых парней. Они возвращались из колледжей на летние каникулы, шумные, беспечные и полные самых разнообразных планов. Одни обсуждали предстоящие поездки, другие хвастались успехами в учёбе, а третьи, разумеется, уже строили планы относительно прекрасных барышень, которых им предстояло встретить на летних вечерах.

Именно среди этих разговоров, смеха и весенней суеты и началась наша история.

Компания молодых людей неспешно двигалась по улице, оживлённо переговариваясь и то и дело перебивая друг друга шутками. Это были Смити Флетчер, Роберт Одонис, Калуш Говин и их товарищ, которого все звали Балу.

Балу был индийским мальчиком, заметно отличавшимся от своих спутников и внешностью, и происхождением. Впрочем, это нисколько не мешало ему находиться в их компа-

нии. Он уже привык к нравам и привычкам окружающих, хотя некоторые правила и ограничения, которым ему приходилось следовать, порой ставили его в неловкое положение.

В тот день молодые люди возвращались после учёбы, и впереди их ждали летние каникулы. Настроение у всех было самое беззаботное, а потому Роберт, оглядев друзей, предложил:

— Ну что, господа, может, заглянем в какой-нибудь бар? Выпьем по паре пинт эля или чего-нибудь ещё? Заодно отметим начало каникул!

— А что? Я бы пошёл, — сразу отозвался Смити Флетчер. — Давно пора немного развеяться.

Двое остальных, однако, не спешили поддерживать предложение. Калуш Говин предпочёл промолчать, лишь слегка замедлив шаг. Балу же, немного помедлив, ответил:

— Думаю, в баре нас попросту выставят за дверь. Да и мне уж точно нельзя. Вы же знаете, насколько у меня всё строго. Не хотелось бы лишний раз попадать в подобные места и навлекать на себя неприятности.

— Ах, Балу, — усмехнулся Роберт, — ты порой ведёшь себя так, словно за тобой постоянно следит целая армия надзирателей!

— А я знаю одно интересное место! — вдруг оживился Смити.

— И что же ты задумал? — спросил Роберт.

— Да неподалёку есть чудесное место для прогулок. Я од-

нажды бывал там с сестрой. Господа, вы бы только видели, сколько там собирается дам! И не только дам, но и их прелестных дочерей. Все в красивых нарядах, с зонтиками, ленточками, шляпками… Настоящий парад моды!

— И ты предлагаешь нам отправиться туда? — с улыбкой переспросил Роберт.

— А почему бы и нет? Прогуляемся, посмотрим на местных красавиц, узнаем, какие платья нынче в моде. Глядишь, кому-нибудь из нас даже повезёт завести новое знакомство.

— Вот это уже звучит заманчиво, — усмехнулся Роберт. — Смити, а ты, оказывается, не так прост, как кажешься!

— Я просто знаю, где стоит бывать, — самодовольно ответил Смити.

Калуш, до этого молча слушавший разговор, наконец поднял глаза.

— В общем-то, почему бы и нет? Погода хорошая, а прогулка в приятном обществе ещё никому не вредила. Только надеюсь, ты не преувеличиваешь, Смити, насчёт своих красавиц.

— Вот увидишь! — уверенно отозвался тот.

Балу же заметно замялся.

— Не знаю, господа… Не уверен, что мне стоит туда идти. Вы же знаете, мне не всегда позволено бывать в подобных местах. Да и появление в обществе незнакомых дам может вызвать ненужные вопросы.

— Да брось ты, Балу! — рассмеялся Роберт. — Мы ведь

не собираемся совершать ничего предосудительного. Всего лишь прогуляемся.

— Именно! — поддержал его Смити. — К тому же, если ты всё время будешь прятаться от общества, так никогда и не узнаешь, что в нём происходит.

Калуш слегка улыбнулся, глядя на Балу:

— Пойдём с нами. В конце концов, нас четверо. Неужели мы не сумеем провести одну обычную прогулку без неприятностей?

Лёгкий дождь постепенно уступил место солнцу, и наши герои направились вдоль длинного озера. Вокруг раскинулся бархатный парк с ухоженными газонами и аккуратно выложенными каменистыми дорожками. На ветвях деревьев ещё поблёскивали капли дождя, а солнечные лучи то и дело пробивались сквозь листву, отражаясь в спокойной воде.

У самого берега пара лебедей с удивительной настойчивостью выпрашивала у прохожих угощение. Птицы совершенно не стеснялись своего нахальства и, казалось, давно усвоили, что отказать им способны далеко не все.

В парке было немноголюдно, но и пустынным его назвать было нельзя. Атмосфера располагала к неспешным прогулкам и тихим беседам. Дамы с кружевными зонтиками, в изящных платьях и шляпках, сопровождали своих дочерей, а некоторые брали с собой маленьких собачек, которые то и дело отвлекались на каждый куст и встречного прохожего.

Дорожка огибала озеро, уходя всё дальше вдоль берега.

Само оно было настолько протяжённым, что его дальний край терялся в лёгкой дымке и словно сливался с горизонтом.

Казалось, время здесь текло медленнее, чем за пределами парка. Никто никуда не спешил, и даже разговоры звучали тише, будто это место само требовало от посетителей соблюдать неспешный ритм.

На противоположной стороне озера, на белоснежной скамье, сидела девушка примерно одного возраста с нашими героями. Из-под изящной шляпки выбивались рыжие вьющиеся волосы, мягкими локонами обрамлявшие её лицо. В руках она держала книгу и, казалось, настолько погрузилась в чтение, что окружающий мир перестал для неё существовать.

Рядом на скамье лежала небольшая сумочка, аккуратная и изящная, словно подобранная в тон её наряду. Девушка не замечала ни проходящих мимо людей, ни шума парка, ни даже любопытных взглядов. Она просто читала, не отрывая глаз от страниц.

В её облике было что-то необыкновенно лёгкое и чистое. Казалось, будто маленькое облачко случайно спустилось с небес и присело отдохнуть на этой белой скамье среди зелени и солнечных бликов.

Компания неспешно двигалась вдоль озера, продолжая оживлённую беседу. Смити, шедший чуть впереди остальных, вдруг замедлил шаг и посмотрел на противоположный берег.

— Постойте-ка, господа. Вы только взгляните туда!

— Что случилось? — спросил Роберт, подходя ближе.

Смити незаметно указал рукой на девушку.

— Вон там. Видите девушку? Рыжие волосы, изящная шляпка… Сидит с книгой.

Роберт проследил за его взглядом. Сначала он хотел отпустить очередную шутку, но, разглядев незнакомку, неожиданно умолк. Его заинтересовала не только её внешность, но и то, с каким увлечением она читала.

— А ведь она действительно хороша, — наконец произнёс он. — Интересно, кто она?

— Вот и я о том же! — довольно улыбнулся Смити. — Кажется, наша прогулка становится всё занимательнее.

Калуш взглянул на девушку, затем на своих приятелей.

— Вы уже строите планы, даже не зная, кто она такая, — заметил он с лёгкой усмешкой.

Балу тоже посмотрел в сторону скамьи, но почти сразу отвёл глаза.

— Может, не стоит её беспокоить? Она явно увлечена чтением.

— Балу, ты способен найти повод для беспокойства даже в самой обычной прогулке, — рассмеялся Смити.

Роберт, однако, не поддержал шутку. Он всё ещё смотрел на незнакомку.

— А я бы не отказался узнать, что она за особа. Пожалуй, стоит подойти поближе, — предложил Смити. — Хотя нет,

так мы будем обходить озеро целую вечность. Давайте лучше крикнем или что-нибудь бросим, чтобы привлечь её внимание!

— Крикнем? — с сомнением переспросил Балу. — Нас из парка ещё никогда не выгоняли, но, кажется, сегодня у нас есть все шансы. И после этого ты ожидаешь, что она захочет с нами заговорить?

— А что такого? — пожал плечами Смити.

— Небось, где-то поблизости её папаша, а то и того хуже — охрана, — продолжил Балу. — Посмотрите, какая она нарядная. Не похоже, чтобы её оставили здесь совсем одну.

— Может, хватит на сегодня? — предложил Калуш, оглянувшись на остальных. — Пойдёмте дальше. Она ведь всё равно нас не слышит.

Смити прищурился, ещё раз посмотрел на девушку и вдруг ухмыльнулся:

— А я, пожалуй, брошу в её сторону камень. Просто чтобы обратила внимание.

— Смити, ты в своём уме? — Роберт тут же повернулся к нему. — Может, ещё палку в неё швырнём? Или сразу подойдём и постучим по голове?

— Да ладно тебе, Роберт! — усмехнулся Смити. — Я же не собираюсь попасть в неё. Просто привлеку внимание.

— Удивительно, как ты умудряешься превращать обычную прогулку в настоящее безумие, — покачал головой Роберт.

Балу посмотрел на Смити с явным неодобрением, а Калуш лишь вздохнул, словно уже начинал жалеть, что согласился на эту затею.

— Так, ладно, господа, оставим камни в покое, — наконец произнёс Роберт, переводя взгляд с девушки на Смити. — Давайте лучше посмотрим, у кого что есть в карманах. Напишем ей записку и попробуем передать.

— Записку? — переспросил Калуш. — И как ты собираешься это сделать?

— Пока не знаю, — признался Роберт. — Но, согласитесь, это всё же лучше, чем запускать в незнакомую девушку камнями.

Смити усмехнулся и принялся хлопать себя по карманам.

— Вот это уже похоже на план! Ну-ка, господа, ищите бумагу и карандаш. Посмотрим, кто из нас сегодня окажется самым находчивым.

Результат оказался весьма неожиданным. После недолгих поисков по карманам на свет появились два фунта мелочью, галстук, половинка карандаша и старый лотерейный билетик.

Смити разложил всё это на ладони и с недоумением посмотрел на приятелей.

— Ну что ж, господа, выбор у нас, прямо скажем, невелик. Бумаги нет, зато есть лотерейный билет. Вполне сгодится!

— Ты предлагаешь написать записку на лотерейном билетике? — Роберт не удержался от улыбки.

— А почему бы и нет? Он всё равно нам больше не пригодится.

— Откуда ты знаешь? — заметил Калуш. — Вдруг именно сегодня он оказался бы выигрышным?

— Тогда считай, что мы пожертвовали состоянием ради знакомства, — рассмеялся Смити.

— Так, а как мы её переправим? — задумчиво спросил Калуш, разглядывая лотерейный билетик. — Его ведь нужно во что-то завернуть, иначе он просто улетит куда-нибудь.

— Если сложить из него самолётик, боюсь, билет достанется какой-нибудь утке, — заметил Роберт.

Смити уже собирался что-то ответить, но вдруг Балу оживился:

— О, постойте! Кажется, у меня кое-что есть. Я вёз домой в качестве подарка мягкого слоника. У него сбоку есть небольшой кармашек. Можно положить записку туда!

— О, вот это круто! — воскликнул Смити. — Балу, ты нас просто спас!

— Ну что, давай, клади! — поторопил Смити.

Он аккуратно вложил лотерейный билетик в кармашек мягкого слоника и поправил его, чтобы ничего не выпало.

— Готово! — объявил он, передавая игрушку Роберту.

Роберт, который был немного выше остальных, прикинул расстояние до противоположного берега, крепче перехватил слоника и замахнулся.

— Надеюсь, вы понимаете, что теперь отступать поздно,

— усмехнулся он.

— Только смотри, не промахнись! — крикнул Смити, уже с трудом сдерживая смех.

— И постарайся не попасть в лебедей, — добавил Калуш. — Они, кажется, и без нас сегодня сыты по горло.

— Господа, прошу не мешать мастеру! — важно произнёс Роберт и со всей силы запустил игрушку в сторону девушки.

Все четверо невольно проследили за полётом слоника. Смити даже привстал на носки, Балу затаил дыхание, а Калуш вытянул шею, стараясь не упустить игрушку из виду.

— Летит! — возбуждённо выкрикнул Смити.

— Да вижу я! — отозвался Роберт, не отрывая взгляда от противоположного берега.

Слоник пролетел над водой в направление к скамьи .

— Попал? — радостно воскликнул Смити.

Но девушка даже не подозревала, о намерениях слона, который уже летел в направлении головы и тем более что летит нечто большее, чем обычная игрушка. Она по-прежнему сидела на белоснежной скамье, склонившись над книгой, и не замечала ничего вокруг.

Мягкий слоник стремительно приближался к ней. На мгновение он оказался прямо возле её головы, так близко, что мог задеть рыжие локоны. Девушка продолжала читать, не подозревая об опасности. И лишь в последний миг игрушка изменила траекторию, пролетела мимо и с глухим шлепком упала на дорожку — всего в нескольких сантиметрах .

Девушка резко вздрогнула. Книга чуть не выскользнула из её рук. Она замерла, глядя на слоника, а затем медленно подняла глаза, пытаясь понять, откуда он взялся.

На противоположном берегу весёлое возбуждение сменилось напряжённым молчанием.

— Господи… — выдохнул Балу. — Вы чуть не попали в неё!

Девушка тем временем подняла голову и посмотрела в сторону противоположного берега. Её взгляд быстро скользнул по дорожке и остановился на небольшой группе молодых людей, стоявших у самой воды.

Этого оказалось достаточно.

— Бежим! — прошептал Смити, хотя прозвучало это скорее как испуганный возглас.

И компания тут же рассыпалась в разные стороны. Калуш поспешил скрыться за деревьями, Балу отступил за ближайший куст, а Смити, не разбирая дороги, бросился вдоль берега.

Только Роберт остался на месте. Он застыл, словно внезапно позабыл, что собирался бежать. Его рука всё ещё была поднята после броска, а на лице застыло выражение человека, который только сейчас осознал, что натворил.

Девушка продолжала смотреть прямо на него.

Вскоре Роберт, заметно покраснев, всё-таки опустил руку и поспешил скрыться вслед за приятелями. Ещё мгновение назад он был готов к знакомству, а теперь предпочёл бы ока-

заться за сотню миль от этого места.

Загаданная незнакомка проводила взглядом убегающих молодых людей, а затем, слегка усмехнувшись, подняла с дорожки мягкого слоника. Осторожно отряхнула его от пыли и положила рядом с собой на скамью.

Похоже, неожиданное появление игрушки позабавило её куда больше, чем испугало.

Эту девушку и звали Эли.

Глава III. Удачный билет

Вскоре четверо приятелей снова собрались вместе, немного отойдя от места своего неудавшегося знакомства. Первоначальный испуг постепенно сменился смехом. Теперь, вспоминая, как каждый из них бросился врассыпную, они уже не могли сдержать веселья.

— Вы бы видели свои лица! — смеялся Смити, обращаясь к Роберту и Калушу. — Особенно твоё, Роберт! Ты стоял с поднятой рукой, словно собирался объявить войну всему парку!

— Очень смешно, — буркнул Роберт, хотя сам едва сдерживал улыбку. — По крайней мере, я не прятался за кустами, как некоторые.

— Я всего лишь предусмотрительно выбрал укрытие, — невозмутимо ответил Балу.

Смех снова прокатился по компании. Но вскоре веселье прервалось неожиданным открытием.

— Постойте-ка… — вдруг произнёс Калуш. — А что мы, собственно, написали в записке?

Все переглянулись.

Повисла короткая пауза.

— В каком смысле «что написали»? — переспросил Роберт.

— В самом прямом. Мы ведь собирались оставить девуш-

ке послание. Так что там было написано?

Смити посмотрел на Роберта, Роберт — на Калуша, а Балу лишь развёл руками.

И тут выяснилось самое удивительное: никто из них так и не написал ни единого слова! Каждый почему-то решил, что записку составит кто-нибудь другой.

— Великолепно! — Роберт рассмеялся, покачав головой. — Мы устроили целое представление, запустили игрушечного слона через озеро, перепугали девушку, а в итоге отправили ей пустой лотерейный билет!

Смити на мгновение задумался, а затем с самым серьёзным видом произнёс:

— Господа, вы, кажется, не понимаете всей трагедии. Это был совершенно точно выигрышный билет!

— Откуда ты знаешь? — спросил Калуш.

— Теперь уже не узнаем. А ведь если бы он оказался выигрышным, мне придётся работать всю оставшуюся жизнь, чтобы вернуть своё состояние!

— Смити, ты и без того не собирался работать всю жизнь, — заметил Роберт. — У тебя вон, гляди, какой папа капиталист! Уверен, вам с сестрой достанется состояние побольше, чем стоимость какого-то лотерейного билетика.

— О чёрт, я совсем забыл! — расхохотался Смити, хлопнув себя по лбу. — А ведь и правда! Зачем я вообще переживаю?

После этих слов все четверо снова разразились смехом.

Тем временем на другом берегу озера Эли уже успела вернуться к чтению. Однако сосредоточиться на книге оказалось не так-то просто. Время от времени её взгляд невольно возвращался к мягкому слонику, лежавшему рядом на скамье.

Она слегка улыбалась, вспоминая неожиданное появление игрушки и то, как забавно выглядели молодые люди, бросившиеся врассыпную, едва она посмотрела в их сторону.

Эли покачала головой, словно отгоняя весёлые мысли, и снова опустила глаза на страницы. Но улыбка всё никак не сходила с её лица.

Вскоре снова заморосил дождь. Сначала редкие капли едва касались поверхности озера и листьев деревьев, но небо постепенно затягивалось тучами, и Эли поняла, что пора отправляться домой.

К этому часу отец обычно уже возвращался с работы, и она не хотела заставлять его ждать. Девушка убрала книгу в сумочку, взяла мягкого слоника и поднялась со скамьи.

По дорожкам парка всё чаще спешили прохожие. Дамы придерживали кружевные зонтики, мужчины торопливо натягивали пальто, а те, кто не успел захватить с собой зонт, искали укрытие под раскидистыми деревьями.

Эли поправила шляпку, прижала сумочку к себе и поспешила к выходу из парка. Дождь становился всё настойчивее, а впереди её уже ждал привычный путь домой.

Выйдя из парка, Эли направилась по улице в сторону дома. Дождь тем временем усилился, и прохожие уже почти бегом искали укрытие. По мокрой мостовой одна за другой спешно проезжали кареты, поднимая из-под колёс брызги.

К тому времени, когда Эли добралась до дома, её платье уже успело промокнуть, а рыжие локоны выбились из-под шляпки. Девушка остановилась у калитки, поправила сумочку и посмотрела на стоявшую возле дома повозку.

Отец уже вернулся.

Повозка была запряжена её любимой лошадью — Грифом. Эли невольно улыбнулась, увидев знакомого коня. Похоже, дома её уже ждали.

Так закончился приятный день, достаточно насыщенный на события и преподнёс некогда нежданные подарки.

Следующий день оказался для Роберта ещё более неожиданным. Вскоре выяснилось, что с Эли они были почти соседями.

В то время Роберт временно гостил у семьи Бёрнс. Глава семьи, Карл Бёрнс, занимал должность дворецкого и управляющего театра «Ребимоль». Кроме того, он приходился Роберту кузеном по материнской линии.

Когда родители Роберта уезжали за границу, на время каникул он нередко приезжал в родной городок, где жил прежде. Вот и теперь, пока родители находились в отъезде, Роберт остановился у семьи своего родственника.

Сама встреча не предвещала ничего необычного. Роберт

просто вышел из дома и, сделав буквально несколько шагов, оказался лицом к лицу с Эли.

Вот уж действительно, господа, порой для новой встречи не нужны ни долгие поиски, ни особые обстоятельства. Достаточно лишь выйти за порог собственного дома.

Их первоначальное неловкое молчание и взаимная скромность вскоре сменились непринуждёнными разговорами. Постепенно знакомство переросло в дружбу, а очаровательная улыбка Эли молниеносно покорила сердце и без того влюбчивого Роберта.

С каждым днём они всё больше привыкали друг к другу и вскоре стали проводить вместе почти всё свободное время. Обычные прогулки, беседы и случайные встречи постепенно превратились в неотъемлемую часть их дней.

Однажды Роберт, желая произвести на Эли особое впечатление, решил продемонстрировать свою ловкость. Увидев невысокую садовую ограду, он с самоуверенным видом заявил, что перепрыгнуть через неё для него — сущий пустяк.

Не дожидаясь возражений, Роберт разбежался и оттолкнулся от земли. Вот только расчёт оказался не совсем верным: зацепившись брючиной за верхнюю перекладину, он потерял равновесие и кубарем покатился вниз по небольшому травяному склону.

На мгновение Эли замерла, не понимая, стоит ли ей испугаться или рассмеяться. Но, увидев, как Роберт поднялся,

отряхивая одежду и пытаясь сохранить остатки достоинства, она не выдержала и звонко рассмеялась.

Сам Роберт, оглядев свои испачканные брюки и растрёпанные волосы, тоже не смог удержаться от смеха. Вскоре они уже оба хохотали так, что едва могли говорить.

Кажется, именно в тот день Роберт окончательно усвоил: произвести впечатление на девушку не всегда означает показать ей свою ловкость. Иногда достаточно просто дать ей повод от души посмеяться.

Их дружба постепенно перерастала во что-то большее. Так продолжалось несколько лет: летние каникулы сменялись перепиской, письма — новыми встречами, а затем снова наступали каникулы. И с каждым годом Роберт и Эли становились всё ближе друг другу.

Вскоре Роберт уже проводил у семьи Бёрнс все летние каникулы. Он не хотел быть простым гостем и охотно помогал мистеру Бёрнсу по дому, стараясь отплатить за гостеприимство и заботу.

За это время в семье Бёрнс произошло и радостное событие: у Карла и его жены родилась дочь Анна. Супруги души не чаяли в своём чаде, окружая малышку любовью и вниманием. Дом постепенно наполнялся детским смехом, а Роберт, ставший здесь почти своим, с удовольствием наблюдал за тем, как растёт маленькая Анна.

Глава IV. Балы

Однажды Роберт получил приглашение от своего друга Смити Флетчера посетить бал, который устраивался по особому случаю в доме Флетчеров.

Поводом для торжества стала очередная крупная сделка главы семейства — Бенедикта Флетчера, человека влиятельного и хорошо известного в деловых кругах. Недавно городские власти одобрили приобретение ценных земель, прежде принадлежавших одному из обедневших дворянских родов. Владельцы оказались в затруднительном положении и, после ареста главы семьи за долги, были вынуждены расстаться со своими владениями.

Для Бенедикта Флетчера это приобретение стало очередным шагом к укреплению положения семьи. А подобные успехи, как известно, в определённых кругах принято отмечать с размахом. Поэтому дом Флетчеров готовился принять многочисленных гостей, среди которых ожидались влиятельные господа, деловые партнёры и представители высшего общества.

Смити, разумеется, не упустил случая пригласить Роберта. Для того бал обещал стать не только приятным вечером в кругу знакомых, но и возможностью окунуться в атмосферу большого света.

Перед напором Смити Флетчера было сложно устоять.

Он умел убеждать, особенно когда речь шла о предстоящем празднике. Впрочем, Роберт позаботился не только о собственном приглашении, но и об Эли, твёрдо заявив, что отправится на бал вместе с ней.

Смити не стал возражать. Однако по его лицу было заметно, что такое решение пришлось ему не совсем по душе. Видимо, он рассчитывал провести этот вечер в компании старого друга, не отвлекаясь на дамские ухаживания. Но спорить с Робертом не стал — в конце концов, приглашение уже было сделано, и оставалось лишь смириться с тем, что мужская дружба на этот вечер будет немного разбавлена женским обществом.

Да и к тому же, какой вечер без достойного обходительства? Дворецкий Карл Бёрнс также был приглашён на этот бал в качестве управляющего и организатора вечера. Разумеется, в этот раз он не занимался своими обычными обязанностями, однако его обходительность и присутствие придавали мероприятию особый шарм.

Итак, господа, бал!

Позвольте мне стать вашим проводником на этот вечер.

— Так-так… О боги! Кого же мы видим? Господа, взгляните-ка! Да это ведь младший сын нашего фаворита — Смити Флетчер!

Вы только посмотрите, как он вырос! Погодите-ка, тебе ведь уже восемнадцать? Какой молодой человек! А подбородок-то, подбородок — весь в отца! Обратите внимание и на

манеры. Настоящий джентльмен!

И где же обучается столь обаятельный молодой человек? Кембридж? Оксфорд? Уверен, господа, перед нами весьма перспективный юноша!

— Добрый вечер, сэр! Рад вас видеть. Позвольте представить вам моих друзей — Роберта и Эли. Мы приехали вместе и надеемся провести этот вечер в приятной компании.

— Что ж, весьма рад знакомству! — с улыбкой ответил ведущий. — Роберт, добро пожаловать! А вы, юная леди, сегодня, несомненно, украсите наш вечер. Надеюсь, этот бал оставит у вас самые приятные впечатления. Смити, дорогой мой, вижу, ты решил собрать вокруг себя весьма интересную компанию!

— Ладно, господа, пройдёмте далее! А теперь обратите внимание на рояль в углу зала. За инструментом играет сам Уильям Стерндейл Беннетт — один из наиболее выдающихся английских пианистов и композиторов своего времени. Человек, чьё имя известно далеко за пределами музыкальных салонов.

Беннетт не просто почётный гость семьи Флетчер, но и их близкий друг. Его присутствие сегодня — особая честь для хозяев вечера. Ну что ж, господа, согласитесь, музыка такого мастера придаёт нашему балу совершенно особое очарование!

— Гости всё прибывают, господа! Посмотрите-ка, какие экипажи стоят у входа! Один другого роскошнее! А дамы, их

дочери… Настоящие звёзды нашей галактики! Блеск, красота и изящество — куда ни взгляни!

Ах да, раз уж мы заговорили о звёздах, позвольте поинтересоваться: где же наша непревзойдённая Дзузи, старшая дочурка Флетчера? Неужели она решила заставить нас томиться в ожидании? Уверяю вас, её появление стало бы достойным украшением этого вечера!

И вдруг… музыка смолкла.

По широкой лестнице, расположенной прямо посреди зала, под торжественные звуки скрипок начали спускаться три дамы. Разговоры постепенно стихали. Взгляды гостей один за другим обращались к лестнице, а любопытство охватывало даже тех, кто ещё мгновение назад был увлечён светской беседой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.